

сики, встречающейся в думах, имеются также сведения об исполнителях дум и указатель географических наименований. Все это выполнено с большим знанием дела, можно сказать, безукоризненно.

М. М. Плисецкий

Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата, 1972, 382 стр.

Г. Н. Потанин — один из крупнейших исследователей казахского фольклора. Значительная часть собранных им материалов была опубликована еще до Великой Октябрьской социалистической революции¹. Многие записанные Г. Н. Потаниным сказки в советское время перепечатывались в популярных книгах (научного издания казахских сказок до сих пор не существует). Целиком собрание Г. Н. Потанина не переиздавалось. Появление книги, подготовленной Н. С. Смирновой и ее учениками С. А. Қаскабасовым и Е. Д. Турсуновым, вызвано давно назревшей необходимостью ввести в широкий обиход богатейшие материалы Г. Н. Потанина и дать им оценку с точки зрения сегодняшней фольклористики и этнографии.

Составителями сборника проделана огромная работа. Помимо сбора публикаций, порой разбросанных по редким дореволюционным провинциальным газетам, они обследовали архивы Алма-Аты, Томска, Ленинграда. В результате в сборник вошли легенды и предания, приметы и обычаи, сказки и анекдоты, обрядовые песни и, наконец, те произведения акынов, которые находятся уже на рубеже фольклора и литературы. Этот чрезвычайно ценный материал вызывает доверие (что немаловажно, потому что среди публикаций казахского фольклора встречается много фальсификаций).

Обращают на себя внимание комментарии к текстам, очень обстоятельные. Здесь мы находим и маленькие научные экскурсии о сказках, и этнографические этюды, археологические, исторические, религиоведческие и лингвистические изыскания, а также обширную библиографию. Нет сомнения, что приведенный в комментариях богатейший этнографический материал будет хорошим подспорьем для всех, кто изучает культуру и быт тюркских и соседних с ними народов. Так, например, в приложении к «Преданию о корове» объясняется, что такое «жай тас» — магический камень, вызывающий непогоду. Это не обычная справка, характерная для большинства комментариев, а маленькое исследование с библиографией, включающей 10 работ.

В рецензируемом сборнике нет типологического анализа сюжетов, сопровождающего издания сказок в серии «Сказки и мифы народов Востока». Это, видимо, объясняется тем, что в потанинский сборник входят не только сказки. Однако комментарии к ним оформлены в соответствии с современными требованиями: обязательно даются ссылки на указатели А. Аарне — С. Томпсона, Н. П. Андреева, а также В. Эберхарда и П. Боратава. При этом здесь имеются не только традиционные указания на варианты, но и оригинальные наблюдения над сказкой, выдвигаются гипотезы о ее исторических корнях.

Кроме того, комментарии прекрасно обрисовывают Г. Н. Потанина как ученого. Здесь много никогда не публиковавшихся вариантов сказок и заметок Г. Н. Потанина, его собственных примечаний, не потерявших своего значения до настоящего времени. Эти примечания позволяют судить и о методике Г. Н. Потанина-фольклориста.

Сборник открывается большой вступительной статьей «Потанин — собиратель и исследователь казахской народной поэзии». Ее автор, Н. С. Смирнова, дает яркую картину жизненного и научного пути Г. Н. Потанина, места его в истории русской науки. Она внимательно изучила большое научное наследие Г. Н. Потанина, начиная от таких солидных трудов, как «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе», до программ для собирателей, опубликованных в местных газетах, и сумела внести значительные поправки в портрет Г. Н. Потанина, человека интереснейшей, незаурядной судьбы.

Н. С. Смирнова убедительно показывает демократические основы мировоззрения Г. Н. Потанина. В юности Г. Н. Потанин увлекался народническим движением и на всю жизнь сохранил интерес к народному быту, к духовной культуре народов Казахстана и Сибири. Он был убежден, что эти народы имеют право на самостоятельное развитие. Конкретные изыскания Г. Н. Потанина так значительны, что его можно назвать, как это делает Н. С. Смирнова, «одним из зачинателей этнографического направления в российской фольклористике».

Г. Н. Потанин в числе первых начал сопоставительное изучение фольклора тюрко-монгольских народов. Он был настоящим подвижником и сделал чрезвычайно много. Однако незнание восточных языков не могло не привести к известному дилетантизму в его научных построениях.

¹ См. «Живая старина», 1916, вып. II—III; «Очерки Северо-Западной Монголии», т. I—IV, СПб., 1881—1883.

Н. С. Смирнова пересматривает устоявшиеся представления о Г. Н. Потанине как о компаративисте. Прежде всего он был приверженцем мифологической теории, хотя традиционный подход к истокам культуры арийских народов не был ему близок. Он стремился найти более широкое культурное единство — евразийское. Так родилась его «восточная гипотеза», согласно которой вся евразийская культура вышла из древнего азиатского культа Арья-Бало, а реликтом этого древнего наследия является фольклор тюрко-монгольских народов — своеобразный культурный мост между Востоком и Западом. Однако мифологическая теория причудливо уживалась у Г. Н. Потанина с компаративизмом: он утверждал, что нынешний эпос — это и осколок древнейшего мифа, и результат многократных заимствований.

Многие недостатки метода Г. Н. Потанина объясняются его приверженностью именно к мифологической школе, а не к компаративизму. Следствие влияния мифологической школы — взгляд на фольклор как на отражение прошлого и избирательный интерес к архаике. Отсюда же отсутствие интереса к личности исполнителя фольклорного текста (при всем потанинском демократизме!), вытекающее из теории безличности фольклорного творчества. Как и другие сторонники мифологической школы, Г. Н. Потанин склонен к сравнительному анализу собственных имен, очень произвольному, а также к механическому препарированию текста. В конце XIX в. такая методология не вызывала симпатии и компаративисты не считали Г. Н. Потанина «своим».

В рецензируемой книге есть и упущения. Прежде всего вызывает сожаление отсутствие библиографического указателя трудов и публикаций Г. Н. Потанина; в таком издании он просто необходим. Неудобна нумерация текстов по разделам. Было бы целесообразно сделать ее сплошной, тем более что в книге 19 разделов. Есть неточности в именах и в указателе имен. Так, на стр. 44 говорится о М. Н. Сперанском; он же упоминается и в указателе, однако на стр. 37 он фигурирует как М. С. Сперанский.

Все это, конечно, лишь частные погрешности. Книга потанинских материалов, ставшая одновременно и книгой о Г. Н. Потанине, — великолепное исследование, выполненное на высоком научном уровне. Недаром она уже стала библиографической редкостью. Подобные книги очень нужны, и мы с полным сочувствием цитируем одну из заключительных фраз статьи Н. С. Смирновой: «Настало время серьезных монографических работ в области историографии народного творчества, монографического исследования научных школ во всех их ответвлениях, с самым всесторонним учетом обстоятельств их существования и соприкосновений» (стр. 44). Рецензируемая книга хорошо отвечает этим запросам времени.

Е. А. Костюхин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Die gläserne Linde. Westslavische Märchen, Bautzen, 1972.

В Германской Демократической Республике в издательстве «Domovina» вышел в переводе на немецкий язык сборник западнославянских сказок «Die gläserne Linde» (чешских, словацких, польских, сербских и сербо-лужицких). Одновременно он вышел на сербском языке под названием «Klinkotata lipka» и на чешском под названием «Spíevajúca lipka». В 1974 г. предполагается его издание на польском языке под названием «Spiewająca lipka».

Книга эта составлена известными исследователями западнославянских сказок В. Гашпариковой (Братислава), Я. Йехом (Прага), Е. Капелюш (Варшава) и П. Недо (Лейпциг). Всего в нее входят 62 сказки, преимущественно волшебные. Иллюстрирована книга, и притом превосходно, художницей Е. Зматликовой.

Составители антологии стремились дать читателям представление об основных сюжетах и особенностях западнославянских сказок. Попытки такие делались и раньше, начиная с середины XIX в., сейчас задача эта облегчена тем, что по сказкам каждого из западнославянских народов составлен научный указатель сюжетов.

Конечно, при таком небольшом количестве текстов, тем более отобранных в расчете преимущественно на детского читателя, нельзя ожидать, чтобы книга дала достаточно полное представление о всем богатстве и многообразии сказочного репертуара четырех народов. Однако составителям удалось дать достаточно репрезентативную антологию, передающую специфическую атмосферу, особый аромат сказок западных славян. Так, например, своеобразные польская интерпретация сюжета о скатерти-самобранке «О человеке, который носил колбасы в ад» или чешский вариант известной сказки о длинном, толстом и зорком (в русском варианте «опивало и объедало»), словацкий вариант сказки о коте в сапогах — «Янко, Аничка и лисичка». Есть и сказки, не известные, как правило, в среднеевропейской традиции. Так, чешская сказка о художнике, который рисовал черта, известна еще только в русском варианте.